Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-371-375

ПИЛЬЩИКОВ Игорь Сергеевич
адъюнкт Академии управления МВД России,
e-mail: pilshchikov80@bk.ru

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа мер уголовно процессуального принуждения как особого вида государственного принуждения, реализуемого в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации. Показано, что данные меры образуют целостную, внутренне согласованную систему, обеспечивающую движение уголовного дела, фактическое исполнение процессуальных решений и достижение целей, закрепленных в ст. 6 УПК РФ. Анализируются основные доктринальные подходы к пониманию сущности уголовно процессуального принуждения (ограничительно правовой, двухкомпонентный, правообеспечительный), а также позиции Б.Б. Булатова, Ф.М. Кудина, П.В. Глаголева, Е.С. Попковой и М.А. Латушкина о месте данных мер в системе государственно правового принуждения. Особое внимание уделяется мерам, связанным с физическим воздействием, и системе гарантий их законности и обоснованности, в том числе с учетом требований ст. 5 ЕКПЧ, осмысленных в работах О.В. Качаловой и С.В. Шевелевой. Обосновывается необходимость усиления судебного и прокурорского контроля, развития альтернативных мер и уточнения критериев обоснованности и соразмерности.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное принуждение, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, уголовный процесс.*

PILSHCHIKOV Igor Sergeevich
post graduate student
Academy of Management of the MIA of Russia

CRIMINAL PROCEDURE ENFORCEMENT MEASURES IN THE SYSTEM OF STATE ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines the legal nature of measures of criminal procedural coercion as a special type of state coercion implemented in the framework of criminal proceedings in the Russian Federation. It is shown that these measures form an integral, internally coordinated system that ensures the movement of criminal proceedings, the actual execution of procedural decisions and the achievement of the goals set out in art. 6 of the Criminal Procedure Code. The main doctrinal approaches to understanding the essence of criminal procedural coercion (restrictive, two-component, and law-enforcement) are analyzed, as well as the positions of B.B. Bulatov, F.M. Kudin, P.V. Glagolev, E.S. Popkova, and M.A. Latushkin on the place of these measures in the system of state legal coercion. Special attention is paid to measures related to physical impact and the system of guarantees of their legality and validity, including taking into account the requirements of Article 5 of the ECHR, reflected in the works of O.V. Kachalova and S.V. Sheveleva. The necessity of strengthening judicial and prosecutorial control, developing alternative measures and clarifying criteria of validity and proportionality is substantiated.*

Key words: *criminal procedural coercion, state coercion, measures of procedural coercion, criminal procedure.*

Меры уголовно процессуального принуждения занимают особое место в системе государственного принуждения, поскольку одновременно обеспечивают реализацию публичного интереса в сфере уголовного преследования и затрагивают фундаментальные права и свободы личности. Государственное принуждение в целом понимается как закрепленное в праве и обеспеченное властной силой государства воздействие на поведение субъектов, направленное на охрану правопорядка, пресечение правонарушений и реализацию юридической ответственности; его признаками являются нормативная определенность, публично властный

характер, возможность применения помимо воли лица и наличие процедурных гарантий. В общем учении о государственном принуждении исследователи (П.В. Глаголев, Е.С. Попкова, М.А. Латушкин) подчеркивают, что оно существует в различных правовых формах – от юридической ответственности до множества обеспечительных и пресекательных мер, при этом именно системный анализ их соотношения позволяет увидеть место уголовно процессуального принуждения в общей структуре. Так, П.В. Глаголев, исследуя юридическую ответственность в системе мер государственного принуждения, отмечает, что ответственность занимает лишь часть этого поля, тогда как значительный массив принудительных воздействий носит обеспечительный и охранительный характер и может предшествовать привлечению к ответственности или существовать независимо от него [4]. Е.С. Попкова проводит аналогичную линию, указывая на необходимость четко разграничивать юридическую ответственность и иные правовые формы принудительного воздействия государства, чтобы избежать неоправданного «размывания» понятия ответственности и более точно описывать специфику процессуальных мер [8].

На этом фоне уголовно процессуальное принуждение выступает специфическим видом процессуального принуждения, обслуживающим уголовное судопроизводство и обеспечивающим достижение его целей, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. Уголовно процессуальное законодательство не содержит легального определения рассматриваемого института, поэтому в доктрине преобладает подход, согласно которому меры уголовно процессуального принуждения – это предусмотренные УПК РФ решения и действия компетентных органов и суда, ограничивающие права участников процесса помимо их воли и применяемые для обеспечения надлежащего хода и результатов уголовного судопроизводства. Классические работы Ф.М. Кудина и Б.Б. Булатова задают рамки обсуждения: Ф.М. Кудин одним из первых системно показал, что принуждение в уголовном судопроизводстве представляет собой не случайный набор мероприятий, а целостную систему взаимосвязанных средств, обеспечивающих движение дела и фактическое исполнение процессуальных решений [6]. Б.Б. Булатов, развивая эту линию, рассматривает государственное принуждение в уголовном судопроизводстве как непременный атрибут процесса, без которого невозможно достижение его целей, и подчеркивает, что именно своевременность и эффективность использования «потенциала государственного принуждения» во многом определяют результативность правосудия по уголовным делам [1]. Он показывает, что речь идет не только о собственно мерах уголовно процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры), но и о применении в рамках судопроизводства уголовных и административных санкций, а также физической силы, что требует комплексного подхода к регулированию и оценке последствий принуждения.

Е.Г. Васильева подчеркивает, что все меры принуждения по своему объективному содержанию представляют правовые ограничения, выражающиеся в лишениях личного, имущественного или организационного характера, и что «нельзя, принуждая, оставить человека в состоянии полностью распоряжаться своими действиями и правами». В ее позиции фокус смещен на правоограничительное ядро института, вне зависимости от того, к кому именно обращена мера – к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или свидетелю [2]. С.Н. Воробей предлагает рассматривать сущность уголовно процессуального принуждения через сочетание объективного и субъективного начал: с одной стороны, источником и мерилом допустимого воздействия выступает воля государства, реализуемая через полномочия дознавателя, следователя, прокурора и суда; с другой – восприятие и реакция принуждаемого участника процесса определяют реальные пределы вмешательства, включая психологический компонент [3]. Такой подход позволяет учитывать не только формально правовую, но и фактическую сторону принудительного воздействия. Е.Е. Ширяева и ряд современных авторов акцентируют внимание на правообеспечительном измерении, определяя меры уголовно процессуального принуждения как законные средства ограничения прав и свобод личности, предназначенные для обеспечения справедливого, эффективного и своевременного судопроизводства и поддержания баланса между публичными и частными интересами при обязательном соблюдении принципа соразмерности [10]. В рамках доктринального анализа легитимности государственно-правового принуждения М.А. Латушкин обосновывает необходимость выхода за пределы формально-нормативного понимания законности как простой корреляции с нормативными предписаниями [7]. Исследователь предлагает квалифицировать законность в качестве «качественного состояния» публично-властной деятельности, предполагающего критерии разумности (пропорциональности), нормативной предсказуемости правоприменительных актов, а также императив недопустимости злоупотребления дискреционными полномочиями в процессе лимитирования правового статуса личности. Сформулированные правоположения обладают прямой доктринальной релевантностью для института уголовно-процессуального принуждения.

К характерным чертам уголовно-процессуального принуждения относятся его строгая нормативная регламентация, применение исключительно в рамках уголовного судопроизводства, направленность на достижение целей уголовного процесса, временный характер ограничительных мер, а также наличие специальных гарантий, включая судебный контроль и возможность их обжалования. В отличие от уголовно-правового принуждения, которое представляет собой реакцию на уже совершенное преступление и реализуется в виде наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, уголовно-процессуальное принуждение имеет преимущественно превентивный и обеспечительный характер. Оно применяется до вынесения окончательного судебного решения, в том числе на стадии предварительного расследования. От административного принуждения оно отличается иным нормативным основанием (УПК РФ, а не КоАП РФ), иным предметом охраны и иным процессуальным режимом, хотя отдельные меры, такие как привод или временное отстранение от должности, функционально схожи. При этом, как показывает Б.Б. Булатов, не процессуальные виды принуждения (уголовные и административные санкции) хотя и не реализуются как элементы уголовно процессуальных отношений, но влияют на формирование правосознания участников и обеспечивают общий режим законности, в рамках которого функционирует уголовный процесс [1].

Нормативная модель мер уголовно процессуального принуждения закреплена в УПК РФ и включает задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. К мерам пресечения относятся подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу и другие предусмотренные законом способы обеспечения процессуального поведения; они направлены на предотвращение уклонения от следствия и суда, воспрепятствования установлению истины по делу, продолжения преступной деятельности и неисполнения приговора. Иные меры процессуального принуждения – обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и др. – преимущественно обеспечивают установленный порядок судопроизводства и должное исполнение процессуальных обязанностей различными участниками, в том числе свидетелями, потерпевшими, экспертами. Комментарии к УПК РФ обоснованно указывают и на принудительный характер целого ряда следственных и иных процессуальных действий (обыск, выемка, освидетельствование и пр.), при производстве которых неизбежно ограничиваются конституционные права и требуется соблюдение условий, схожих с условиями применения мер принуждения. В исследованиях Б.Б. Булатова подчеркивается, что именно в совокупности всех этих средств – от классических мер процессуального принуждения до физического воздействия при исполнении решений – проявляется реальный «потенциал государственного принуждения» в уголовном процессе, требующий единых теоретических подходов и согласованной регламентации.

Особое измерение уголовно процессуального принуждения связано с применением мер, основанных на физическом воздействии. С.В. Шевелева справедливо отмечает, что задержание, заключение под стражу, привод и другие меры, предполагающие физическое вмешательство в сферу личной свободы, наиболее остро затрагивают конституционное право на неприкосновенность личности и потому требуют особо жесткого режима законности и обоснованности [9]. Она показывает, что гарантии правомерного применения физического принуждения включают не только судебный контроль и специальные основания применения отдельных мер (прежде всего заключения под стражу), но и обязанность предоставления лицам широкого комплекса процессуальных прав, эффективного прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, а также категорический запрет действий, причиняющих вред здоровью или унижающих честь и достоинство личности. Значим вклад О.В. Качаловой, анализирующей российскую практику ограничения права на свободу в контексте ст. 5 ЕКПЧ; она указывает на необходимость более строгой оценки разумности и длительности содержания под стражей, наличия «достаточных и релевантных» оснований и реального, а не формального судебного контроля, чтобы национальные стандарты соответствовали конвенционным [5].

На фоне этих подходов функции мер уголовно процессуального принуждения описываются как обеспечительная, превентивная, регулятивная и гарантийная. Обеспечительная функция проявляется в создании условий для эффективного расследования и рассмотрения дел, гарантировании явки участников, сохранности доказательств и исполнения судебных решений. Превентивная функция направлена на предупреждение нарушений процессуального порядка и пресечение попыток воспрепятствовать правосудию. Регулятивная функция выражается в упорядочении процессуального поведения участников, тогда как гарантийная направлена на поддержание баланса между интересами личности и государства посредством установления процедурных требований, осуществления судебного контроля

и реализации механизмов обжалования. В данном аспекте совпадают нормативные положения, сформулированные Б.Б. Булатовым, и теоретико-правовые подходы М.А. Латушкина: принуждение рассматривается как необходимый элемент правового механизма, однако его применение должно быть пронизано принципами законности и правовой защищенности личности, поскольку в противном случае оно утрачивает легитимный характер и трансформируется в произвольное воздействие.

Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что, несмотря на детализированную нормативную регламентацию, ряд проблем сохраняет устойчивый характер. Фиксируется склонность к чрезмерному применению наиболее строгих мер пресечения — заключения под стражу и домашнего ареста — при недостаточном использовании альтернативных средств, таких как залог или запрет определенных действий. В научной литературе подобная практика нередко квалифицируется как фактическое превращение меры пресечения в разновидность «предварительного наказания» при отсутствии установленной виновности. Обращается внимание и на формализованный характер судебного контроля: суды, рассматривая ходатайства о применении и продлении мер принуждения, порой ограничиваются воспроизведением доводов стороны обвинения, не проводя самостоятельной оценки достаточности представленных данных. Дополнительную сложность создает неоднозначное понимание категории «иные меры процессуального принуждения» и отсутствие единообразия в отнесении к ней отдельных институтов, что порождает интерпретационную неопределенность. В теоретических работах Б.Б. Булатова и С.В. Шевелевой предлагаются пути совершенствования регулирования: уточнение перечня мер, связанных с физическим воздействием, развитие гарантий их применения, усиление прокурорского и судебного контроля, унификация подходов к оценке законности и обоснованности конкретных решений по делу.

В современной литературе все настойчивее выдвигаются предложения о корректировке концепции уголовно процессуального принуждения в сторону усиления ее правообеспечительного компонента: предлагается укреплять реальный судебный контроль, регламентировать стандарты доказывания необходимости тех или иных мер, развивать спектр альтернативных, не изоляционных мер, а также внедрять риск ориентированные модели выбора мер пресечения и иных форм принуждения. Цифровизация уголовного судопроизводства (электронное делопроизводство, дистанционные следственные действия, электронный мониторинг) объективно ставит вопросы о новых формах процессуального принуждения, которые могут осуществляться преимущественно информационными средствами и при этом требовать не меньшей, а большей регуляции и судебного контроля.

С учетом вклада Б.Б. Булатова, Ф.М. Кудина, П.В. Глаголева, М.А. Латушкина, Е.С. Попковой, С.В. Шевелевой и О.В. Качаловой меры уголовно процессуального принуждения могут быть охарактеризованы как самостоятельный, теоретически сложный и практически значимый элемент системы государственного принуждения, в котором правоограничительное содержание должно быть строго подчинено задачам справедливого, эффективного и правозащитного уголовного судопроизводства. Системное развитие этого института связано с уточнением понятия и состава мер, совершенствованием критериев их обоснованности и соразмерности, усилением судебного и прокурорского контроля, повышением стандартов защиты права на свободу в соответствии с требованиями ст. 5 ЕКПЧ и адаптацией к новым технологическим условиям, что в совокупности требует дальнейших научных исследований и законодательных реформ.

Список литературы:

[1] Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

[2] Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. - Уфа, 2002. - 193 с.

[3] Воробей С. Н. Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Воробей Светлана Николаевна; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. — Москва, 2009. — 29 с.

[4] Глаголев П. В. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 18 с.

[5] Качалова О. В. Обеспечение обоснованности ограничения права на свободу в российском уголовном судопроизводстве в контексте ст. 5 ЕКПЧ // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в российском уголовном судопроизводстве (к 25-летию членства Российской Федерации в Совете Европы): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 15–16 окт. 2021 г. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2021. С. 59–65.

[6] Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 135 с.

[7] Латушкин М. А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 237 с.

[8] Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 2001. 23 с.

[9] Шевелева С. В. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, гарантии его законности и обоснованности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2006. 24 с.

[10] Ширяева Е. Е. Понятие и назначение мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник науки. 2026. №2 (95). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-mer-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya (дата обращения: 13.04.2026).

References:

[1] Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 p.

[2] Vasilyeva E. G. Problems of limitation of personal inviolability in criminal proceedings : dissertation ... Candidate of Law Sciences : 12.00.09. Ufa, 2002. - 193 p.

[3] Vorobey S. N. Measures of criminal procedural coercion: the essence, purpose, criteria of validity of application at the stage of preliminary investigation : abstract of the dissertation of the Candidate of Law sciences : 12.00.09 / Vorobey Svetlana Nikolaevna; [Place of protection: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. — Moscow, 2009. — 29 p.

[4] Glagolev P. V. Legal responsibility in the system of state coercion measures: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 2007. 18 p.

[5] Kachalova O. V. Ensuring the validity of restrictions on the right to freedom in Russian criminal proceedings in the context of Article 5 of the ECHR // European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: problems of implementation in Russian criminal proceedings (on the occasion of the 25th anniversary of the Russian Federation's membership in the Council of Europe): proceedings of the International Scientificpractical conference Khabarovsk, October 15-16, 2021 Khabarovsk: Pacific State University, 2021. pp. 59-65.

[6] Kudin F. M. Coercion in criminal proceedings. Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1985. 135 p.

[7] Latushkin M. A. Ensuring the legality of the use of state-legal coercion measures: theoretical and legal aspect: dis. ... kand. jurid. sciences'. Vladimir, 2011. 237 p.

[8] Popkova E. S. Legal responsibility and its relation to other legal forms of state coercion: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. Moscow: Yurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001. 23 p.

[9] Sheveleva S. V. Criminal procedural coercion related to physical impact, guarantees of its legality and validity: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2006. 24 p.

[10] Shiryaeva E. E. The concept and purpose of measures of criminal procedural coercion // Bulletin of Science. 2026. No. 2 (95). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-mer-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya (date of request: 04/13/2026)

